

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ И КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СРАВНЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

В теоретической криминологии в США и Великобритании явственно прослеживаются два параллельных направления развития: позитивистские теории и критическая криминология. Оба этих направления неоднородны, включают в себя целый спектр теорий, но каждое из них основывается на своих методологических подходах и взглядах на природу преступности и контроля над ней. В работе дается общая характеристика каждого из направлений и ключевых теоретических положений, которые лежат в их основе

Ключевые слова: криминология, преступность, позитивизм, критическое направление, теория конфликта, радикальная криминология.

POSITIVIST TRADITION AND CRITICAL APPROACH IN AMERICAN AND BRITISH CRIMINOLOGY: COMPARING THEORETICAL APPROACHES

There are two distinct parallel developments in the theoretical criminology in the US and Great Britain: positivist theories and critical criminology. Both of these approaches are not uniform and include a variety of theories. However, each of them is based on its own methodological prerequisites and shares a common view on the nature of crime and its control. The main characteristics of each approach and its main theoretical grounds are given.

Keywords: criminology, crime, positivism, critical criminology, conflict theory, radical criminology

Развитие криминологической теории в США и Великобритании и основанной на этой теории практики противодействия преступности в течение второй половины XX века — в начале XXI века протекает в виде двух параллельных потоков идей и практических решений. Первый поток основан на использовании позитивистских методологических подходов, основные принципы которых зародились приблизительно в середине XIX века. Он включает в себя теорию социальной дезорганизации, теорию напряжения, социально-экологический подход (чикагская школа криминологии), теорию дифференцированной ассоциации и др. Кроме того, в него можно включить идеи классической школы криминологии (Ч. Беккариа, И. Бентам), трансформировавшихся почти через 200 лет в криминологические теории рационального выбора и стандартных действий. Второй поток представляет собой комплексное теоретическое движение, получившее наименование *критической криминологии*. В него включаются такие направления, как радикальная криминология, левый реализм, аболиционизм, постмодернизм, конститутивная криминология, феминизм, миротворческая криминология [7].

Представители критического направления считают, что принципиальные положения их теорий невозможно понять без оценки социального, политического, экономического, культурного контекстов, в которых происходило развитие их идей. Поэтому отметим, что возникновение данного течения в 60-е гг. XX века и последующее развитие было обусловлено кризисным состоянием уголовной политики в странах Западной Европы и Северной Америки, неспособностью государства и общества противопоставить действенные меры контроля стремительно растущему уровню преступности, усилением недоверия к власти, существенным ростом числа заключенных. Кроме того, критическое направление возникает и как своего рода ответная реакция на кризис (методологический и идеологический) зарубежной криминологической науки, которая, используя доведенные до совершенства эмпирические методы исследований, так и не смогла объяснить феномен преступности и предложить действенные способы реагирования. При этом критическая криминология не является самостоятельным этапом в развитии зарубежной криминологии, она не пришла на смену позитивистским идеям. Скорее,

она представляет собой параллельную тенденцию современного развития криминологической мысли.

Рассмотрим те характеристики, которые присущи традиционной позитивистской, или, как ее еще называют, административной криминологии [12].

Прежде всего, криминологи, которые в англо-американской криминологической школе, как правило, являются представителями общественных наук, рассматривают категории, входящие в предмет исследования своей науки (преступление, преступность, уровень преступности, насилие, жертва преступления) как некую данность, объективно существующую реальность. Кроме того, они утверждают, что традиции и каноны исследований в области социальных наук вполне подходят для проведения исследования этих категорий. Это также подразумевает их объективность, нейтральность оценок, необходимость тщательного определения понятий и концепций, применение научных методов исследования и наилучших способов сбора и анализа данных. Традиционная криминология считает себя вполне respectable научной дисциплиной, что обеспечивается постоянным взаимодействием ученых и исправлением ими ошибок своих коллег, ведением теоретических дискуссий представителями различных направлений. Кроме того, у многих криминологов существует убежденность в том, что государство, общество, средства массовой информации с интересом оценивают их отчеты о состоянии преступности, ее видах, о рисках стать жертвой, а также рекомендации о противодействии преступности.

Как мы уже упомянули выше, это направление в криминологии методологически основывается на позитивизме. Основной отправной точкой для развития

позитивизма в криминологии является идея о том, что научный метод, применяемый для анализа в естественных науках, подходит и для социальных наук. Это положение ведет к трем основным постулатам: о приоритете количественных методов анализа, об объективности ученого, а также о детерминированности человеческого поведения. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Пытаясь объяснить феномен преступности с помощью использования количественных методов, криминологи стремятся сначала определить четкие количественные единицы измерения преступности для целей последующего обобщения. Для того чтобы отличить преступление от нормального поведения, ученые обращаются к данным статистики о преступности и сталкиваются со следующими противоречиями: статистические категории обозначены с помощью правовых терминов, не все из которых подходят для научного анализа; статистика основывается на преступлениях, которые стали известны полиции, что на самом деле составляет лишь незначительную часть действительно совершенных преступлений; с точки зрения статистики, преступлением считается деяние, запрещенное уголовным законом, однако этот закон может воплощать не моральный консенсус по поводу допустимости того или иного поведения, а интересы групп, находящихся у власти.

Попытки разрешить эти противоречия привели к развитию двух направлений в позитивизме: либерального и радикального. Либеральный позитивизм, представителями которого являются Л. Уилкинс, П. Таппен [8], настаивает на том, что в обществе существует консенсус, а закон является его воплощением. Такая позиция отражает классические

представления о том, что правовая система является отражением контракта, заключенного рациональным индивидом, обладающим свободой воли, и либеральным обществом. Преступление является крайней степенью отклоняющегося поведения, для контроля над которым необходимо введение именно уголовного запрета. Задачей криминолога при этом становится переформулирование основных статистических категорий, создание при помощи полиции и суда определенных индексов для различных видов преступлений для того, чтобы эти данные можно было использовать для целей количественного анализа.

Радикальный позитивизм, в свою очередь, делится на два направления. Более либеральное (Т. Хирши) придерживается мнения, что консенсус по поводу содержания законов в обществе существует. Для определения индексов серьезности правонарушения следует руководствоваться законом в качестве морального критерия, однако более серьезную роль в создании категорий «преступного» и «непреступного» поведения играют агенты социального контроля и сам правонарушитель. Представители этого направления подвергают критике неэффективность мер социального контроля, наличие расовых, классовых, социальных предубеждений у сотрудников полиции, суда, пенитенциарных учреждений, которыми они руководствуются, имея дело с правонарушителями.

Представители второго направления в радикальном позитивизме сомневаются в возможности использования правового критерия для определения девиантности и преступности. Они считают, что существуют «естественные» преступления, которые всегда являются нарушением

общепринятых моральных норм, норм поведения независимо от того, являются ли эти деяния преступлениями по уголовному законодательству. То есть, как они полагают, в обществе существует консенсус по поводу неприемлемых форм поведения, но он не всегда находит воплощение в законе [6]. Поэтому статистика преступности может не опираться на категории уголовного закона, она может быть построена на обобщении актов поведения, отклоняющегося от общепринятых норм. Тогда понятие девиантности и преступления перестает быть единым, ученый вправе выбрать то определение, которое лучше подходит для целей его анализа. Однако независимо от того, как именно он будет определять преступное поведение, оно всегда будет являться отклонением от норм, ценностей и морали, существующих в определенной социальной системе.

Применительно к вопросу о нейтральности ученого, позитивисты также делятся на два направления — либеральное и радикальное. Либеральный позитивизм придерживается позиции, такой что ученый должен быть нейтрален, не должен задаваться вопросами о целях, не должен оспаривать последствия законов; он должен искать средства для достижения целей, определяемых политиками и законодателями. В задачу ученого не входит оценка самой по себе социальной системы, ее целей и задач, противоречий в ее функционировании; он является нейтральным обозревателем. Такая нейтральная позиция подвергалась существенной критике со стороны представителей других криминологических школ. Например, по мнению представителей радикальной криминологии, эта методологическая посылка заводит позитивизм в тупик. Отстранен-

ный взгляд на социальную систему не позволяет оценить, насколько то или иное поведение является опасным для нее, а также как характеризовать это поведение — как функциональное или как дисфункциональное [25, с. 19].

Радикальный позитивизм настаивает на том, что задачей ученого является понять, в чем заключается общественный консенсус, на пути которого стоят непостоянные и ненаучные (то есть основанные на определенных ценностных установках) интересы агентов социального контроля (в том числе, законодателей и политиков), а также асоциальные деяния преступников. Ученый должен объективно оценивать, в чем заключаются общественные интересы, его интересует, каким образом психологические факторы, окружающая среда приводят к тому, что индивид отказывается следовать тем нормам, которые большинство признает. Он может критиковать уголовный закон за то, что он не отражает общественные интересы; может оспаривать справедливость мер наказания. Однако в целом социальная реакция на отклоняющееся поведение кажется ему правильной.

Общество представляется состоящим из нормальных людей, а правонарушители — это лишь небольшая группа, находящаяся на краю общества. По определению, девиантность — это то, с чем большинство в обществе считает необходимым бороться. Реакция общества на преступное поведение не играет никакой роли в объяснении причин преступности, исследователя она интересует только с точки зрения того, насколько полиция и суд, представляющие общество, неэффективны или предвзяты. Причины такой реакции, а также то, как правонарушитель воспринимает негативное отношение общества, не являются предме-

том анализа. Основным объектом исследования в позитивистской криминологии, таким образом, является преступник, а не уголовный закон или стратегии контроля. Позитивистская криминология в своем анализе девиантности практически полностью игнорировала роль государства, оставляя этот вопрос на рассмотрение представителям политической науки. Заметим, правда, что это уже в меньшей степени характеризует зарубежную криминологию с конца XX века — число исследований, посвященных трансформации роли государства в осуществлении уголовной политики, неуклонно растет.

Обратимся к третьей краеугольной идее позитивизма — детерминированности человеческого поведения. Позитивисты, в отличие от представителей классической школы, отрицают наличие у индивида свободы воли. Человек, совершающий преступление, может и сам не осознавать причины своих действий, поскольку социальную жизнь зачастую обуславливают силы, невоспринимаемые сознанием. Но с точки зрения детерминизма, для того чтобы девиантное и преступное поведение могли быть объектами исследования, необходимо, чтобы они воспринимались как имеющие свойство вещи материального мира, а также были обусловлены определенными законами.

Итак, традиционная криминология опирается на ряд предположений. Во-первых, в обществе существует единый и относительно непротиворечивый социальный порядок и моральный консенсус, на что указывает существование законов, в которых определенные действия признаются преступными; во-вторых, правонарушения могут быть определены и измерены; в третьих, девиантность и преступность являются объ-

ективными феноменами, которые могут быть подвергнуты беспристрастному научному анализу; наконец, те характеристики, которые делают поведение девиантным или преступным, являются свойствами самого поведения. Кроме того, девиантность и преступность рассматриваются как отдельные, но взаимосвязанные категории. Преступное поведение не рассматривается как нормативное или соответствующее определенному социальному контексту, а наблюдатель не играет важной роли в определении того или иного вида поведения как девиантного. Поиск общей теории, объясняющей причины всех видов преступности, является главной целью данной научной дисциплины. Главным объектом анализа должен быть преступник, а не уголовный закон.

Еще до возникновения собственно критического направления в криминологии вышеуказанные предположения подвергались критике со стороны приверженцев теорий символического интеракционизма и теории клеймения.

Основным для этих теорий был вопрос о смысле, заключенном в понятиях *преступление* и *преступность*, о том, почему некоторые деяния запрещены законом под страхом наказания, а другие — нет; кто определяет, является ли некий вид поведения преступным [13, с. 105].

Основанием для интеракционизма и возникновения самого термина «символический интеракционизм» послужили работы Г. Мида, источниками которых явились идеи философии прагматизма и психологический бихевиоризм [5, с. 238]. Его идеи можно свести к следующему. Во-первых, люди воспринимают различные события в соответствии с тем значением, которое они этим событиям придают. Во-вторых, эти значе-

ния появляются в процессе социального взаимодействия. В третьих, интерпретируя события, люди не только воспринимают значения, но и сами их создают [13, с. 105–106]. Кроме того, большое влияние на развитие символического интеракционизма и, в дальнейшем, критического направления в криминологии оказала работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [1].

Символический интеракционизм рассматривал общественную реальность как социально сконструированную посредством общественных институтов в процессе социального взаимодействия. Важная роль в этом процессе принадлежит языку, который «постоянно предоставляет необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь» [1, с. 141]. Социальные действия и социальная реальность появляются из тех значений, которые придаются событиям и предметам и из соглашений об этих значениях.

Таким образом, преступление не является объективным феноменом, ему придано определение и значение преступного акта. Для символических интеракционистов преступление есть результат того, что люди совершают определенный выбор и интерпретируют мир различными способами. Символические интеракционисты критически относятся к анализу на макроуровне и отрицают наличие структурных категорий, таких как класс, структура, девиантность, отчужденность. На этом основывается критика озабоченности традиционной криминологии определением общественных и структурных факторов, которые вынуждают людей пересекать границы поведения, дозволенного согласно

общественному консенсусу. Преступление не является результатом неправильной социализации, нарушений в семье или социальной дезорганизации. Власть проявляется на микроуровне при конструировании девиантных или преступных действий. Поэтому преступление является не объективной данностью, а следствием ряда микрополитических действий. Преступление не есть неотъемлемая часть действия, оно — результат того, что некоторые люди берут на себя роль агентов социального контроля и в этом качестве определяют действия других людей как преступные.

Э. Шур считал, что не само поведение является девиантным по своей сути, а реакция общества на это поведение превращает человека в преступника. Отдельное внимание он уделил преступлениям без жертв (аборты, гомосексуализм, наркотизм), которым посвятил одноименную работу [23]. Проблемой этих преступлений является то, что у них нет жертв (кроме самих себя), их достаточно сложно выявить, а применение законов против лиц, их совершающих, приводит к тому, что эти лица начинают считать себя преступниками и твердо встают на путь асоциального поведения.

В разработке идей социального интеракционизма принял участие также Ф. Танненбаум, считавший, что общество создает преступников в процессе стигматизации и называвший этот процесс «драматизацией зла». Человек с девиантным поведением дифференцируется от общества, этикетка преступника становится частью его идентичности. Идеи Ф. Танненбаума, а также Э. Гофмана (особенно его работа «Стигма») положили начало развитию теории стигматизации (клеймения, этикетирования).

Теория стигматизации, возникшая в 60-е годы XX века в США, заняла нейтральную позицию по отношению к девиантным действиям — девиантность стала восприниматься как одна из множества разнообразных форм поведения. Преступники, алкоголики, психические больные рассматриваются как индивиды, которые были виктимизированы обществом и являются потенциальными мятежниками, готовыми выступить против ценностей данного общества.

Большую роль в становлении теории стигматизации играли работы Г. Беккера. В своей книге «Аутсайдеры», вышедшей в свет в 1963 году, он высказал идеи о том, что социальная реальность сконструирована, а люди отличаются в том, какие значения они придают своему и чужому поведению [10]. В разное время и для различных людей одно и то же поведение может быть интересным, экзотическим, дерзким, а может восприниматься как опасное, ненормальное, девиантное или преступное. Таким образом, нормальное и преступное поведение отличаются лишь в восприятии людей. Рассматривая девиантность как отклонение от какой-либо нормы, мы игнорируем тот факт, что само понятие девиантности является производным от возможности определенных групп, обладающих политической властью регулировать поведение других с помощью собственных представлений о том, что является правильным и неправильным. Поскольку группы, находящиеся у власти, не однородны, обладают различными ценностными ориентациями, существует большое количество разновидностей тех деяний, которые официально признаны преступными. И хотя социальная реальность является сконструированной, не всем социальным группам предоставлена равная возмож-

ность участвовать в этом процессе [16, с. 180–181].

В 1967 году Г. Беккер подверг сомнению позитивистский тезис о нейтральности ученого. Он считал, что невозможно заниматься наукой, будучи свободным от личных и политических симпатий. Позднее он указывал, что большинство ученых, проводя исследования, способствуют продвижению интересов тех, кто находится у власти, за счет интересов тех, кто властью не обладают [11, с. 247]. Таким способом ученые создают иллюзию легитимности политики подавления и неравенства. Знание о социуме не может быть объективным и свободным от ценностей, а поскольку социальное поведение имеет различное значение для разных людей, то это знание никогда не может быть полным.

Помимо Г. Беккера, разработкой теории стигматизации занимался Э. Лемерт, который использовал социопсихологические понятия первичной и вторичной девиантности для анализа проблем стигматизации [19]. Первичная девиантность не связана с изменениями психологического состояния лица, она имеет место тогда, когда индивид совершает какой-либо проступок, но социальной реакции еще не следует. Вторичная девиантность связана с реакцией общества на действия некоторых первичных девиантов, в результате которой эти индивиды начинают втягиваться в преступную карьеру. К ним пристаёт ярлык преступников, изгоев, сумасшедших, что оказывает влияние не только на их представление о себе, но и на перспективы межличностных отношений, карьерные возможности. В процессе девиантизации выделяется несколько стадий — от первичного девиантного акта и социальной реакции на него до окончательного принятия статуса девианта и попыток при-

способить свое поведение к этой новой роли. Теория вторичной стигматизации широко используется не только критическим направлением, но и традиционной криминологией для объяснения рецидивизма.

Социальный интеракционизм и теория стигматизации оказали существенное влияние на развитие идей критического направления. Самым серьезным их вкладом было, пожалуй, конструктивистское отношение к социальной реальности и восприятие преступления как социального конструкта. Эти идеи в дальнейшем использовались радикальной криминологией и особенно постмодернистскими направлениями.

Еще одним важным аспектом явилось привлечение внимания к проблеме социальной реакции на преступность, что послужило развитию идей аболиционизма и критике современной системы социального контроля и института наказания. В рамках интеракционизма началось исследование проблем властных отношений и их роли в конструировании преступного поведения. В дальнейшем взаимодействие таких институтов, как власть и преступность, подверглось осмыслению и критике со стороны представителей всех критических теорий, привело к возникновению такой отрасли, как политическая криминология.

Не менее важное, чем интеракционизм, значение для становления критического направления в криминологии играла марксистская теория. Она положила начало криминологии конфликта, а также таким критическим теориям, как радикальная криминология, многим феминистским направлениям, использовалась представителями постмодернизма. Марксизму в зарубежной криминологии посвящено много исследований [15], в

рамках настоящей работы мы имеем возможность изложить лишь основные положения.

Марксистский анализ объясняет преступность в условиях капиталистического общества и предлагает теоретическую основу для теорий конфликта и радикальной криминологии, связывая капиталистический способ производства с проблемой преступности и социального контроля. В марксистской криминологии частная собственность на средства производства считается основной причиной существования преступности в капиталистическом обществе. Частная собственность порождает отчуждение, конфликт между индивидами, антагонизм между личными и общественными интересами. К. Маркс указывал, что это приводит к формированию большой группы маргиналов, которые экономически не востребованы и представляют угрозу для капиталистической системы [3, с. 515–516]. Поскольку именно эта группа наиболее подвержена политическому и социальному давлению, над ними осуществляется строгий контроль. В. Бонгер считал, что в каждом государстве, в котором существует правящий класс и класс, которым управляют, уголовное право будет на страже интересов первого [14, с. 24]. Представителями марксизма в криминологии являются сторонники теории конфликта — Дж. Волд, О. Тэрк, Р. Куинни, В. Чеймблисс, Дж. Райман.

Главным положением теории конфликта является утверждение, что в основе существования общества лежит конфликт, а общество основано на принуждении и эксплуатации. Кроме того, как и представители интеракционизма, марксисты считали, что понятие преступления является в значительной степени произвольным.

Теория Р. Куинни основывается на ряде положений. Во-первых, деяния, которые следует считать преступными или девиантными и следует закрепить в качестве таковых в законе под угрозой наказания, определяются теми, кто обладает властью. Во-вторых, преступления объявляются деяния, которые противоречат интересам той части общества, которая находится у власти. В третьих, уголовные законы применяются теми, кто обладает властью. В четвертых, понятие преступления является сконструированным и с помощью различных средств коммуникации оно доводится до всех членов общества. Правящий класс создает ту идеологию, которая служит его интересам. Наконец, контроль над преступностью является способом классового контроля [20, с. 15–23]. Криминализация деяний, а также правоприменение используются как средства борьбы за власть.

Действия государства по правоприменению все более усиливают централизацию экономической и политической власти в руках правящего класса, эксплуатацию рабочего класса, увековечивая существующий социальный порядок. В капиталистическом обществе преступления в большинстве своем воспринимаются как уличные преступления (*street crimes*), совершаемые представителями низших слоев общества. Уличные преступления, в отличие от преступлений, совершаемых представителями высших слоев, привлекают больше внимания со стороны общества, на противодействие им направлено больше ресурсов, совершившие их лица (представители низших слоев общества) получают строгие наказания, хотя именно беловоротничковые преступления (*white collar crimes*) причиняют больший ущерб [22].

Теория конфликта рассматривает социальный контроль как результат неравномерного распределения экономической и политической власти в обществе, а законы — как создание лиц, находящихся у власти, в целях реализации собственной выгоды. Р. Куинни считает, что уголовное право является инструментом для осуществления контроля, а государство рассматривается как организация, призванная охранять интересы правящего класса капиталистов [21, с. 16].

Марксизм и основанная на нем теория конфликта и их идеи о власти в обществе, о том, что преступление является порождением этой власти, а также о том, что система уголовной юстиции является средством угнетения и использования представителей той части общества, которая властью не обладает, послужили основой для многих критических теорий. Как указывает С. М. Иншаков, идеи о том, что преступления совершают практически все члены общества, а к уголовной ответственности привлекаются лишь представители низших слоев, расовых и этнических меньшинств, привели к выводу о том, что существующие методы воздействия на преступность несправедливы [2]. Это послужило развитию критики современных институтов наказания.

Итак, марксизм оказал влияние на развитие теории конфликта и радикальной криминологии. Однако эти два направления существенно отличаются друг от друга, хотя нередко воспринимаются как единое. Отличия этих теорий подробно рассматриваются в работе Р. Бома «Введение в теорию преступления и правонарушений несовершеннолетних» [13]. Теория конфликта большее внимание уделяет проблеме социальной стратификации и отсутствия вла-

сти у определенной категории населения и считает это факторами, порождающими преступность. Радикальная же криминология первичной считает политическую и экономическую составляющую общества, которые усиливают конфликт в обществе и тем самым порождают преступность. Безусловно, оба направления считают, что в основе общества лежит конфликт, но радикальные криминологи природу конфликта видят в распределении частной собственности и в борьбе между собственниками производительных сил и не-собственниками. Теории же конфликта затрудняются определить, что является источником властных отношений. Представители этого направления полагают, что власть лежит в основе существования частной собственности, а не наоборот. Кроме того, теория конфликта основывается на предположении, что конфликт существует не только в классовом обществе, а властью в обществе обладают различные группы.

Радикальная криминология в целом разделяет эту позицию, однако придает особое значение именно классовым отношениям как фактору существования преступности. Наконец, представители теории конфликта выступают за реформирование существующей системы юстиции, создание более эффективных механизмов ее функционирования. С политической точки зрения эти взгляды могут быть названы либеральными. Представители же радикальной криминологии выступают за более революционные решения.

Характеризуя современное состояние критической криминологии, необходимо отметить, что ее проблемы и кризисное состояние предопределены прежде всего тем, что, следуя идеям символического интеракционизма и марксизма, критиче-

ские криминологи чрезмерно идеализируют преступников (как представителей низших, угнетаемых слоев общества), уделяют больше внимания вопросам криминализации, чем проблемам преступлений и теориям причинности, отрицательно относятся ко всем формам формального социального контроля. Критическое направление не смогло выйти за рамки отрицания идей традиционной криминологии и предложить собственную теорию преступности и новые методы исследования. Хотя ее представители и пришли к выводам о том, что причины преступности лежат в природе рыночных отношений капиталистического общества, ситуация лишь усугубляется дискриминационным характером уголовной политики и может быть разрешена только при возникновении справедливой системы уголовной юстиции, которая должна основываться не на институте наказания, а на существовании гражданского общества. Критическая криминология склонна достаточно широко понимать предмет криминологии, включая в него изучение не только преступности, но и других явлений, причиняющих вред обществу [18]. Одним из основных свойств критического направления всегда являлся утопизм, а тенденциями последних лет были реализм и аболиционизм.

Р. Шваанинген, отмечая кризисное состояние современной критической криминологии, выделяет ряд факторов, которые свидетельствуют о важности существования этого направления. Во-первых, криминология имеет дело с моральными проблемами, перед лицом которых оказывается человечество: преступление и наказание, добро и зло. Она не может быть «лабораторной» наукой, ей приходится учитывать силы и интересы, которые участвуют в создании со-

циальных норм. Во-вторых, несмотря на постоянное изменение социальных условий, такие проблемы, как классовая, расовая и гендерная дискриминация, не исчезают. Для анализа этих факторов необходим макросоциальный подход. Криминология должна изучать процесс криминализации. В-третьих, проблемы социального исключения, моральные паники опасных классов требуют своих исследователей. В-четвертых, сфера полномочий полиции, карательная направленность государственного контроля над преступностью увеличиваются. Криминологи должны оценить имеющее место расширение системы уголовной юстиции, а также новые формы контроля, связанные с вовлечением частного сектора в правоохранительную деятельность. В-пятых, общественное мнение о преступности основано на стереотипах, население склонно переоценивать серьезность проблемы. Задачей критической криминологии является противодействие этой тенденции, «гуманизация» общественных представлений. В-шестых, существующая система уголовной юстиции находится в состоянии кризиса, который не может быть преодолен без принципиального изменения отношения к проблеме преступности. В-седьмых, существование критического направления позволяет говорить о криминологии как об относительно независимой (от финансового давления и влияния со стороны государства) академической дисциплине [24].

Существование критического направления в криминологии способствуют трансформации этой науки, которая, по мнению, Д. Гарланда и Р. Спаркса, должна быть заинтересована как в изучении социальных, политических, экономических, культурных проблем, связанных с преступностью, расширяя гра-

ницы дисциплины, так и в проведении эмпирических исследований, результаты которых могут быть реализованы на практике [17].

Изменение экономической, политической ситуации, перемены в состоянии преступности и в ее динамике привели к некоторому кризису радикальных и социалистических форм критического направления. Вера в прогресс, в цивилизацию, в то, что возможны существенные перемены в жизни общества, в достижении идеалов социальной справедливости, пошла на убыль концу 70-х годов XX века. Эпоха модерна сменилась эпохой постмодерна. Криминологи, выдвигавшие идеи о том, что радикальное переустройство социума, ликвидация классового неравенства и гендерного угнетения будут служить средствами решения проблем, связанных с преступностью, пришли к осознанию утопичности такого подхода. Пытаясь выйти из идеологического кризиса и следуя тенденциям, проявившимся в других социальных науках, критическая криминология постепенно отказывалась от попыток анализа преступности на макроуровне, от эссенциалистских обобщений, от универсальных решений. Последние десятилетия были связаны с развитием по-

стмодернистских идей в криминологии, получивших широкое распространение, в том числе и в рамках феминистских теорий. Именно с постмодернизмом на определенном этапе были связаны надежды на преодоление идеологического и аналитического кризиса в критической криминологии.

Представляется, что эти идеи применимы и к современной российской действительности. Критическое направление начинает развиваться и на отечественной почве, о чем свидетельствует, например, появление ряда статей, а также учебника Д. А. Шестакова, который сам автор называет опытом критической криминологии [9]. Кроме того, в российской криминологии возникают отрасли, которые освещают взаимосвязь преступного множества с различными общественными системами: семейная криминология, политическая криминология, криминопенология, криминология массовой коммуникации, экономическая криминология, криминотеология [4]. Отраслевые исследования должны способствовать переосмыслению как самих понятий преступления и преступности, так и способов противодействия преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995.
2. Иниаков С. М. Зарубежная криминология. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1955.
4. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д. А. Шестакова. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2003.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.
6. Селин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Социология преступности (современные буржуазные теории). М.: Изд-во «Прогресс», 1966.
7. Сморгунова А. Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.
8. Таппен П. У. Кто такой преступник? // Социология преступности (современные буржуазные теории). М.: Изд-во «Прогресс», 1966.

9. Шестаков Д. А. Мой учебник: опыт критической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2002, №4 (5). С. 201–205.
10. Becker H. Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963.
11. Becker H., Horowitz I. Radical Politics and Sociological Research // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 78. № 1.
12. Bessant J. Left, right or strait ahead: contemporary prospects for progressive and critical criminology // Critical Criminology: Issues, debates, challenges / Carrington K., Hogg R. Op. Cit. P. 220–222.
13. Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency Theory. Wadsworth, 2001.
14. Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Bloomington: Indiana University Press, 1969.
15. Crime and Capitalism: Readings in Marxist Criminology / Ed. by David F. Greenberg. Philadelphia, Temple University Press, 1993.
16. Criminology / Ed. by Pierse Beirne, James Messerschmidt. Boulder: Westview Press, 2000.
17. Criminology and Social Theory/ Ed. by D. Garland and R. Sparks. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 4.
18. Hill R., Robertson R. What Sort of Future for Critical Criminology // Crime, Law and Social Change. 2003. Vol. 39. No. 1. P. 91–115.
19. Lemert E. Human Deviance, Social Problems, and Social Control. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.
20. Quinney R. The Social Reality of Crime. Boston: Little, Brown, 1970. P. 15–23.
21. Quinney R. Critique of the Legal Order: Crime Control in Capitalist Society. Boston: Little, Brown, 1973.
22. Reiman J. ... and the Poor Get Prison: Economic Bias in American Criminal Justice. Needham Heights: Allyn & Bacon, 1996.
23. Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1965.
24. Swaaningen R. Van. Reclaiming Critical Criminology: Social Justice and the European Tradition // Theoretical Criminology. 1999. Vol. 3(1). P. 5–28.
25. Taylor W., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Harper Colophon Books, 1974.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znanija. M.: MEDIUM, 1995.
2. Inshakov S. M. Zarubezhnaja kriminologija. M.: Izdatel'skaja gruppa INFRA-M-NORMA, 1997.
3. Marks K., Engel's F. Sochinenija. 2-e izd. T. 13. M., 1955.
4. Prestupnost' sredi social'nyh podsystem. Novaja koncepcija i otrasli kriminologii / Pod red. D. A. Shestakova. SPb.: Izd-vo «Juridicheskij centr-Press», 2003.
5. Ritcer Dzh. Sovremennye sociologicheskie teorii. SPb.: Piter, 2002.
6. Selin T. Sociologicheskij podhod k izucheniju prichin prestupnosti // Sociologija prestupnosti (sovremennye burzhuaznye teorii). M.: Izd-vo «Progress», 1966.
7. Smorgunova A. L. Sovremennaja zarubezhnaja kriminologija: kriticheskoe napravlenie: Monografija. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2005.
8. Tappen P. U. Kto takoj prestupnik? // Sociologija prestupnosti (sovremennye burzhuaznye teorii). M.: Izd-vo «Progress», 1966.
9. Shestakov D. A. Moj uchebnik: opyt kriticheskoy kriminologii // Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra. 2002, №4 (5). S. 201–205.
10. Becker H. Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963.
11. Becker H., Horowitz I. Radical Politics and Sociological Research // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 78. № 1.
12. Bessant J. Left, right or strait ahead: contemporary prospects for progressive and critical criminology // Critical Criminology: Issues, debates, challenges / Carrington K., Hogg R. Op. Cit. P. 220–222.
13. Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency Theory. Wadsworth, 2001.

ИПАБО

14. *Bonger W.* Criminality and Economic Conditions. Bloomington: Indiana University Press, 1969.
15. *Crime and Capitalism: Readings in Marxist Criminology* / Ed. by David F. Greenberg. Philadelphia, Temple University Press, 1993.
16. *Criminology* / Ed. by Pierse Beirne, James Messerschmidt. Boulder: Westview Press, 2000.
17. *Criminology and Social Theory* / Ed. by D. Garland and R. Sparks. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 4.
18. *Hill R., Robertson R.* What Sort of Future for Critical Criminology // *Crime, Law and Social Change*. — 2003. Vol. 39. No. 1. P. 91–115.
19. *Lemert E.* Human Deviance, Social Problems, and Social Control. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.
20. *Quinney R.* The Social Reality of Crime. Boston: Little, Brown, 1970. P. 15–23.
21. *Quinney R.* Critique of the Legal Order: Crime Control in Capitalist Society. Boston: Little, Brown, 1973.
22. *Reiman J.* ... and the Poor Get Prison: Economic Bias in American Criminal Justice. Needham Heights: Allyn & Bacon, 1996.
23. *Schur E.* Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1965.
24. *Swaaningen R. Van.* Reclaiming Critical Criminology: Social Justice and the European Tradition // *Theoretical Criminology*. 1999. Vol. 3(1). P. 5–28.
25. *Taylor W., Walton P., Young J.* The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Harper Colophon Books, 1974.